

Ф.К. Волков

**Украинский народ в его прошлом и
настоящем**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.К. Волков**
Украинский народ в его прошлом и настоящем: Том 1 / Ф.К. Волков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 392 с.

ISBN 978-5-518-04933-8

ISBN 978-5-518-04933-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СНИМКИ СЪ ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ I ТОМѢ.

	къ стр.
„УБРАНСКАЯ НОЧЬ“ <i>А. И. Куинджи</i>	160
„ЧУМАЦКІЙ ТРАКТЪ ВЪ МАРІУПОЛѢ“ <i>А. И. Куинджи.</i>	224
„ДНѢПРЪ УТРОМЪ“ <i>А. И. Куинджи</i>	192
„КЛЕВЪ“ <i>В. И. Штернберга</i>	105
„ВЫДУБЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ“ <i>В. И. Штернберга</i>	112
„ВЪ КАНЕВОКОМЪ УѢЗДѢ“ <i>Е. И. Столицы</i>	144
Т. Г. ШЕВЧЕНКО	1
Н. И. КОСТОМАРОВЪ	24
Гетманъ ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.	248
Гетманъ П. ДОРОШЕНКО	264
Гетманъ Иванъ МАЗЕПА	272
Гетманъ Иванъ СКОРОПАДСКІЙ	280
Гетманъ ДАНИИЛЬ АПОСТОЛЪ	288
Д. Н. БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ	32
Г. Ф. КВИТКА .	8
Г. С. СКОВОРОДА	16
СЕМЬЯ ЯРОСЛАВА	80

ОТДѢЛЪ I.

Развитіе украинскихъ изученій въ XIX в. и раскрытіе въ нихъ основныхъ вопросовъ украиновѣдѣнія.

Позднее развитіе понятія украинской національности. Причины этого опаданія.

Понятіе украиновѣдѣнія, какъ изученія прошлаго и настоящаго украинскаго народа, его свойствъ и особенностей, его территоріи и всякаго рода условий, вліявшихъ на жизнь и развитіе, — могло выработаться только постепенно и главнымъ образомъ впечатленіе прошедшаго столѣтія. Причиною были условія историческаго существованія Украины. Понятіе народа или народности, какъ извѣстной коллективной индивидуальности, существующей независимо отъ территориальныхъ, политическихъ или конфессиональныхъ дѣленій, объединенной извѣстными общими чертами въ настоящемъ, общностью пережитаго въ минувшемъ, общностью задачъ и стремленій въ будущемъ, — вообще является главнымъ образомъ продуктомъ XIX столѣтія. Въ прошломъ понятіе народнаго или національнаго единства подиѣнявалось обыкновенно понятіемъ единства политическаго, религіознаго или культурнаго, и народность мыслилась, какъ содержимое одной изъ этихъ формъ: какъ граждане извѣстнаго государства, какъ населеніе

извѣстной территоріи, какъ члены извѣстной державы. И такъ какъ въ исторіи украинскаго племени всѣ эти признаки, или формы, то захватывали вмѣстѣ съ украинскимъ населеніемъ его близкихъ сородичей, то разрѣзывали на части украинскій народъ и занимаемую имъ территорію, то вмѣсто того, чтобы облегчать этими выѣшними, легкозахватываемыми категориями кристаллизацію понятія украинской народности, она, наоборотъ, спутывали понятіе народной особности, вносили въ эту сферу неясность и неопредѣленность.

Въ древнѣйшіе вѣка историческаго существованія имена Русь, Русинъ, русскій, въ тѣснѣйшемъ значеніи, захватываютъ собою только центръ политической и культурной жизни украинскаго народа (Кіевскую землю), въ широкомъ, — всѣ славянскія племена, входившія въ составъ «Русскаго» государства, связаннаго единствомъ политическаго и общественнаго строя, династіи и служилаго сословія, культуры и религіи, письменности и книжнаго языка. Даже съ прекраще-

ніемъ политическаго единства эта общность политическихъ и культурныхъ традицій продолжала покрывать племенное дѣленіе, и отличія народностей, входившихъ нѣкогда въ составъ Русскаго государства. Не было также недостатка въ факторахъ, желавшихъ въ своихъ интересахъ использовать это прежнее единство и усиленно иуссправившихъ его традиціи; факторами этими были: единая церковная организація пережившая политическое единство и всѣми мѣрами старавшаяся ослабить всякія стремленія къ дѣленію; династическая политика, ставившая своею задачею собираніе бывшихъ «волостей» династии и т. под.

Вліяніе подобныхъ, искусственно поддерживавшихся традицій было тѣмъ значительнѣе, что другія условія одновременно съ тѣмъ также препятствовали кристаллизаціи національнаго обособленія. Украинскій народъ, утративъ политическое единство, входитъ въ составъ двухъ соперничающихъ государствъ,—в. кн. Литовскаго и Польши (а своимъ закарипатскимъ отрѣзкомъ еще и въ составъ Венгрии), а въ XVI в. часть украинской территоріи (Сѣверщина) отходитъ еще и въ составъ Московскаго государства. Политическія, церковныя и другія отношенія, раздѣлявшія украинскую территорію на нѣсколько отдѣльныхъ частей, общностью интересовъ влекли ихъ черѣдко къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ къ другимъ, иноплеменнымъ областямъ и группамъ. Въ то время какъ западная Украина, входившая въ составъ Польши, искала поддержки въ сосѣдней единовѣрной Молдавіи, связанной также съ Польшею политическою зависимостью (вассальствомъ),—условія

политической и національной борьбы связывали еще болѣе тѣснымъ узломъ восточно-украинскія области съ бѣлорусскими землями, входившими въ составъ того же вел. кн. Литовскаго. Такой характеръ имѣли общія политическія движенія XV—XVI в.в. и поддѣйшая культурная борьба; на смѣну книжному языку старой Руси, или рядомъ съ нимъ, появляется новый канцелярскій и литературный языкъ, выросшій на почвѣ бѣлорусской, но ставшій общимъ языкомъ Бѣлоруси и Восточной Украины почти на два столѣтія. Культурное движеніе, нарастающее во второй половинѣ XVI в., развивается общими успіями украинскаго и бѣлорусскаго общества, причемъ рядъ украинскихъ дѣятелей переноситъ свою дѣятельность въ бѣлорусскіе центры, въ Вильно въ особенности. А московско-польскіе договоры второй половины XVII в., окончательно отдѣлившіе Заднѣпровье и Кіевъ отъ Правобережья, приготовили новый культурный, а затѣмъ и религиозный расколъ. Восточная Украина приводится все въ болѣе тѣсную связь, не только политическую, но и культурную, съ міромъ великорусскимъ; рядомъ непосредственно принудительныхъ мѣръ и косвенныхъ вліяній вводится она въ кругъ великорусской культуры, между тѣмъ какъ остальные украинскія земли продолжаютъ жить въ тѣсномъ общеніи съ землями бѣлорусскими и польскими, подъ сильнымъ владѣніемъ культуры польской, а введеніе униі въ Правобережной и Западной Украинѣ въ концѣ XVII и нач. XVIII в. прибавляетъ еще и конфессіональную границу къ политическимъ и культурнымъ различіямъ, раздѣлявшимъ украинскій

востокъ и западъ. Присоединеніе Правобережной Украины къ Россіи и уничтоженіе здѣсь уни въ концѣ XVIII в. передвинуло эту границу внѣшнимъ образомъ на западъ, на теперешнюю границу Польши и Галиціи, но не стерло тѣхъ отличій, какія образовались въ теченіе этого болѣе, чѣмъ столѣтняго, искусственнаго отчужденія Лѣвобережья отъ Правобережья — такъ что его пережитки чувствуются явственно и по сей часъ.

Я отмѣтилъ только наиболѣе рѣзкія изъ историческихъ условій, замедлявшихъ кристаллизацию понятія украинской національности. Они объясняютъ намъ медленность этого процесса, не завершившагося еще и по настоящее время. Не успѣвъ разрушить стоическое единство украинскаго народа, стереть основные признаки, связывавшіе и связывающіе его въ одно цѣлое, эти неблагоприятныя для національнаго единства условія не были въ состояніи никогда ослабить въ концѣ силу сцепленія, связывавшую эту національную массу — живую связь, соединявшую ея части и оживлявшую сознаніе единства, несмотря на громадность этнографической территоріи и всѣ отличія, раздѣлявшія ее. Единство и непрерывность территоріи, память кровнаго родства и общаго прошлаго, общія черты психофизическаго типа, экономическихъ и общественныхъ условій быта брали верхъ надъ условіями, вносившими раздѣленіе въ національное тѣло. Въ старой Руси можно подмѣтить противоставленія, великорусскаго сѣвера украинскому югу, какъ Руси въ собственномъ смыслѣ, тѣснѣ связанной съ ея старымъ національнымъ

центромъ, Киевомъ. И позже живое чувство единства «Руси што короля слушаеть» и «Руси што Литвы слушаеть» брало верхъ надъ политическими дѣленіями. А въ моментъ наивысшаго пробужденія народной стихіи, въ великой національной борьбѣ въ проектахъ украинскаго государства временъ Хмельницкаго, Выговскаго, Дорошенка, единство украинскаго народа на всей этнографической территоріи выступаетъ вполне ясно и сознательно, хотя этнографическо-политическія границы этого національнаго украинскаго государства (отъ Вислы до Нѣмана, до Сѣвска и Путивля) не отличаются особою точностью съ точки зрѣнія современной этнографіи. Въ болѣе мелкихъ явленіяхъ обыденнаго быта также на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ живыми связями, постояннымъ эндосмосомъ и экзосмосомъ народной жизни, не останавливающимся предъ официальными, политическими и даже религіозными границами (въ чисто народномъ быту въ прошломъ и до нынѣ, напримѣръ, встрѣчаемся очень часто съ вполне опредѣленнымъ игнорированіемъ конфессіональныхъ различій православія и украинской униатской церкви, гдѣ она была введена официально). За всѣмъ тѣмъ неблагоприятныя для національной жизни условія, въ какихъ пришлось прожить украинскому народу, не остались безъ сильнѣйшаго воздѣйствія на его судьбу. Массовая денационализація высшихъ, наиболѣе сознательныхъ слоевъ украинскаго общества въ прошломъ была однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ послѣдствій этого воздѣйствія. И въ настоящемъ для весьма значительныхъ частей украинскаго (по происхожденію) общества вопросъ о

національному единствѣ украинскаго народа, или даже—самою существованіемъ украинской національности, является еще пунктомъ не пройденнымъ, вопросомъ не разрешеннымъ.

Въ описанныхъ выше условіяхъ украинской жизни украиновѣдѣніе въ его настоящемъ пониманіи не могло получить значительнаго развитія. То, что предшествующія столѣтія оставили сколько-нибудь цѣннаго въ смыслѣ изученія украинской жизни, понятіемъ украиновѣдѣнія покрывается лишь отчасти, или болѣе или менѣе случайнымъ образомъ. Старая Русь оставила намъ цѣнное наслѣдство главнымъ образомъ въ области исторіографіи; за недостаткомъ другихъ источниковъ, ея лѣтописаніе служитъ намъ источникомъ географическимъ, этнографическимъ, юридическимъ и всякимъ другимъ. Но стоитъ оно на точкѣ зрѣнія отнюдь не этнографической, а политической. Кіевское лѣтописаніе, хотя фактически занимается главнымъ и почти исключительнымъ образомъ югомъ и является такимъ образомъ прямымъ предшественникомъ позднѣйшей украинской исторіографіи, однако, своею цѣлью ставитъ повѣствованіе о судьбахъ Кіевского государства по возможности въ его цѣломъ, обнимающемъ, кромѣ украинскихъ, и другія земли. Поляне и исключительнѣе на мѣстной, украинской почвѣ стоитъ позднѣйшее галицко-волинское лѣтописаніе, благодаря тому, что политическій горизонтъ галицко-волинскаго государства почти не выходилъ за предѣлы Западной Украины. Мѣсто экскурсій въ сферу сѣверныхъ или сѣверо-восточныхъ отношеній здѣсь занимаютъ экскурсы въ область политической жизни Польши, Ляты, Венгріи. Въ

галицко-волинской лѣтописи это только экскурсы, но уже столѣтіе позже украинскія земли становятся провинціями Польши и в. кн. Литовскаго, и мѣстное лѣтописаніе, о которомъ можемъ судить по весьма скуднымъ остаткамъ и отзвукомъ, сохранившимся до нашего времени, начинаетъ разсматривать украинскую жизнь, какъ провинціализмъ Литовскаго или Польскаго государства.

И позже, съ новымъ оживленіемъ украинской жизни (съ конца XVI в.), если съ одной стороны встрѣчаются лѣтописи, довольно близко подходящія подъ понятіе лѣтописи украинской жизни (какъ т. н. Львовская лѣтопись), то съ другой—пѣтъ недостатка въ произведеніяхъ, гдѣ надъ мѣстными украинскими интересами беретъ верхъ «общегосударственная» (польско-литовская) точка зрѣнія (какъ напр. Густинская лѣтопись), или же авторъ оказывается во власти традицій «единства русскаго народа», вносящихъ полный сумбуръ въ историческую перспективу—какъ знаменитый «Синописисъ», одно изъ самыхъ сумбурныхъ произведеній, что не помѣшало ему сдѣлаться самымъ популярнымъ историческимъ руководствомъ. Идеи переловыхъ вождей козачества о единствѣ украинскихъ земель и ихъ политическомъ обособленіи не нашли широкаго распространенія въ позднѣйшихъ литературныхъ кругахъ. Козачество, наложившее такую яркую печать на жизнь восточной Украины, только на одинъ моментъ привело въ движеніе всю украинскую территорію. Постепенно теряя силу и энергію, оно отступало все болѣе на востокъ, пока въ концѣ концовъ Днѣпръ не сталъ его границею на западѣ. Козачья

эпоха, ставшая новым исходным пунктом для украинской историографии, новой эрой украинской истории, в связи с различиями в исторических судьбах восточной и западной Украины, раздѣленной между владѣніемъ польскимъ и московскимъ, вліяетъ очень опредѣленно на развитіе восточно-украинскаго партикуляризма. Понятіе единства украинскаго народа и украинской территоріи постепенно уступаетъ мѣсто идеямъ «козакорусскаго народа», сливающимся съ козацкой, восточной частью Украины, и «малороссійское отечество» украинскіхъ писателей XVIII в. (восточной Украины) все менѣе выходитъ за предѣлы Гетманщины, хотя память былой тѣсной связи съ западными украинскими землями все-таки сохранялась въ научной литературѣ ¹⁾).

Еще болѣе смѣшенія и неясности видимъ на почвѣ, такъ сказать, филологической. Интересъ къ народной стихіи, внушенный практическими интересами церковно-религіозной проповѣди въ періодъ религіозной борьбы XVI в., не уяснилъ въ достаточной степени понятія народнаго языка и его отношеній къ старому книжному. Писатели пользовались безъ особаго различія языкомъ народнымъ — «простымъ», и «посполитымъ» жаргономъ верхнихъ слоевъ современнаго общества, обезображенными ужасающими латинскими

1) См. напр. въ „Краткомъ историческомъ о Малой Россіи“ (1769): „Малая Россія часть есть Россійскаго государства, заключающая въ себѣ древнія русскія князевства: Кіевское, Черниговское и Переяславское, а къ сѣмъ причислить можно Волинское, Луцкое и другіе, какъ-то Подолію и до предѣловъ бывшихъ греческаго (sic) владѣнія земель“ (изд. Бодянского, 1846, с. 1).

и полонизмами, и это, несомнѣнно, было одною изъ причинъ, усиливавшихъ старовѣрство ревнителей православныхъ преданій, весьма неодобрительно относившихся къ «выворачиванью» священникхъ книгъ «простымъ языкомъ», и усиленно пропагандированныхъ употребленіе церковно-славянскаго языка. Затѣмъ этотъ православный консерватизмъ, видѣвшій извѣстную профаначію въ допущеніи простаго языка въ религіозную сферу, былъ поддержанъ еще стремленіемъ современныхъ украинскіхъ филологовъ противопоставить грамматически разработанной латинской и польской рѣчи грамматически же разработанную книжную рѣчь: въ основу грамматической обработки полагалась болѣе опредѣлявшаяся традиціонная «словеноросская рѣчь», издолго канонизированная особенно популярной грамматикой Смотрицкаго. Благодаря вліяніямъ школы, она прочно утвердилась на позиціи единаго настоящаго литературнаго языка. То, что противопоставлялось ей подъ названіемъ «русскаго» или «росскаго» языка, какъ современный языкъ украинскаго общества, и допускалось къ книжному употребленію, далеко не покрывалось народнымъ украинскимъ языкомъ, представляя пеструю амальгаму элементовъ народныхъ, книжныхъ (славяно-русскихъ), жаргонныхъ польско-латинскихъ, а позже, съ начала XVIII в., подпадаетъ къ восточной Украинѣ сильнѣйшимъ вліяніемъ книжнаго великорусскаго языка. Эта отрѣшенность отъ народной почвы и неопредѣленное положеніе между народной и славянской рѣчью не дала возможности развиться этому книжному языку. Идея обработки народ-

ной рѣчи, носившаяся въ умахъ многихъ украинскихъ писателей XVII—XVIII в., утонула въ этой неопредѣленности отношеній народной рѣчи, старорусской славящины, польско-украинскаго жаргона и официальной великорусской рѣчи. Изъ массы нарѣчій и говоровъ народныхъ, опре-

дѣленно замѣченыхъ старыми писателями, и съ другой стороны—изъ конкурировавшихъ съ ними книжныхъ языковъ, образъ общаго народнаго украинскаго языка такъ и не успѣлъ съ полной опредѣленностью подняться и кристаллизироваться за это время¹⁾.

Украиновѣдѣніе на пореломѣ XVIII и XIX в.

Если понятіе украинской народности не успѣло въ XVII—XVIII в. вырости до полной опредѣленности, и вслѣдствіе этого и идея изученія Украины и украинскаго народа въ его цѣломъ не могла войти въ сознаніе, все же XVIII в. оставилъ послѣдующимъ поколѣніямъ цѣнное наслѣдство въ области украиновѣдѣнія. Слишкомъ столѣтіе автономной политической жизни (1648—1764) оставило глубокой и невагладимый слѣдъ на всемъ складѣ мышленія и интересовъ украинскаго общества Восточной Украины. Весьма быстро подвергаясь вольному и невольному обрусѣнію, оно получило новую оболочку «благороднаго російскаго дворянства» и великорусской культуры гаятъ очень опредѣлспный «малоросійскій» патриотизмъ, доводившій до раздраженія поборниковъ російскаго централизма. Этотъ патриотизмъ обращаетъ вниманіе образованнѣйшихъ представителей украинскаго общества на собираніе, описываніе и изслѣдованіе особенностей

старого украинскаго быта, обреченнаго, какъ казалось имъ, на скорое поглощеніе новыми формами имперской жизни. Съ другой стороны развивается особое вниманіе къ исторіи Украины, въ которой украинскіе патриоты искали обоснованія своимъ политическимъ и классовымъ стремленіямъ и завросамъ. Не случайно съ упраздненіемъ гетманства (1764), повлекшимъ за собою рядъ другихъ ударовъ автономному складу Гетманщины, совпадаетъ развитіе весьма значительной историко-антикварной литературы, посвященной изученію исторіи Украины и ея быта. Только небольшая часть этой литературы получила значительное распространеніе путемъ печати, большинство произведений ея осталось въ автографахъ или немногихъ копіяхъ и сохранилось до нашего времени въ сравнительно незначительныхъ остаткахъ¹⁾. Рядъ печатныхъ публикацій, послѣ статей Миллера по исторіи козачества (1760), начинается изданіями Василя Рубана, секретаря Потемкина. Въ 1773 г. выходятъ его «Краткія политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи

1) См. по этому предмету трупы А. И. Житязкаго „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.в.“, 1889, и „Эпоса Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусскаго языка XVIII вѣка“, 1900.

1) Бѣглицъ, очеркъ этой антикварной литературы у Н. П. Василевка: „Къ исторіи малорусскаго исторіографіи“, Киев. Старина, 1894, XI.

съ приобщеніемъ украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, такожъ списка духовныхъ и свѣтскихъ тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и прочая» — маленький справочникъ, сообщавшій всѣ эти разнообразныя свѣдѣнія на 100 страницахъ малаго формата. Затѣмъ, по настоянію извѣстнаго Ал. Безбородка и при его содѣйствіи онъ же издаетъ въ 1777 г. болѣе обстоятельные трактаты: «Краткая лѣтопись Малая Россіи съ 1506 по 1776 г. съ изъясненіемъ настоящаго образа тамошняго правленія», — небольшая историческая компиляція первой половины XVIII в., какъ думаютъ, съ дополненіями Безбородка и «Землеописаніе Малая Россіи» — географія и статистика Гетманщины по переписи 1764 г. По мысли Безбородка, эти публикаціи должны были послужить вступленіемъ «къ намѣренному изданію полной малороссійской исторіи¹⁾», но намѣреніе это не осуществилось. Въ одинъ годъ (1777) съ этими курсами украинской исторіи и географіи выходитъ также первенецъ новой украинской этнографіи: «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и Слободской Украинской губерніи» Григ. Калиновскаго, молодого племянника того же Рубана, а два года позже одинъ изъ наиболѣе усердныхъ изслѣдователей украинской жизни Фед. Туманскій представляетъ тогдашнему правителю гетманщины Румянцеву программу для собранія историко-географическихъ, статистико-экономическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, для всесторонняго описанія. Весьма правдоподобна до-

¹⁾ Григоровичъ, Кв. Безбородко I, с. 46.

гадка, что подъ вліяніемъ этого проекта явились позднѣйшія описанія Шафонскаго и Пашенка, — но они остались неизданными. Восемидесятые и девяностые годы, кромѣ ряда статей по исторіи Украины (общій очеркъ въ «Топограф. описаніи Харьковскаго намѣстничества», 1788, нѣскольکو статей въ «Географич. Словарѣ» Шекатова, статьи по кievскимъ древностямъ въ «Краткомъ описаніи Кіево-Печ. Лавры», 1791 и 1795 г.г., большой историко-этнографической очеркъ въ «Описаніи народовъ, обитающихъ въ Россіи», 1799) принесли только изданіе нѣкоторыхъ памятниковъ въ «Россійскомъ Magazinѣ» Ф. Туманскаго, между прочимъ «Лѣтопись» Гр. Грабянки (1793), съ небольшимъ словарикомъ историческихъ реалій — предшественникомъ болѣе подробной работы, затѣянной Вас. Ломиковскимъ («О Малороссіи. О древнихъ обычаяхъ малороссійскихъ, о службѣ воинской и гражданской, о чинахъ и должностяхъ чиновниковъ», 1808), — несовершенной и неизданной¹⁾. Изъ затѣянныхъ Яковомъ Маркевичемъ «Записокъ о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ» — своего рода энциклопедіи Гетманщины, вышла только первая часть (1798) — кое-что изъ исторіи старой (до XI в.) и новой, изъ географіи, — этнографіи и естествознанія²⁾. Гораздо болѣе обширный и законченный трактатъ Шафонскаго (1786): «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малая Россіи», осталось не-

¹⁾ Надаво Лазаревскимъ въ Кіев. Стар. 1894, VII.

²⁾ О пей Лазаревскія, Пржеые навскателя малор. старинамъ (Очерка).

изданнымъ, равно какъ и другое аналогическое (менѣе пространное) описаніе Д. Папѣнка. Въ рукописи остался и цѣлый рядъ историческихъ работъ, нерѣдко гораздо болѣе цѣнныхъ сравнительно съ «Краткимъ описаніемъ», изданнымъ Рубаномъ — лѣтописи украинской исторіи Симоновскаго (1765), Лукомскаго (1770). Ригельмана (1778) и наиболѣе талантливая и интересная анонимная «Исторія Руссовъ или Малой Россіи», пушечная въ оборотъ во второмъ десятилѣтіи XIX в. съ именемъ Георгія Коцисскаго и пріобрѣтшая чрезвычайную популярность и вліятельность благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ и еще болѣе — проникающему ея горячему украинскому патріотизму и автопохизму¹⁾.

Интересъ къ языку и письменности, судя по дошедшему до насъ матеріалу, долго не поднимался надъ собираніемъ украинскихъ словъ, казавшихся наиболѣе любопытными, составленіемъ словариковъ идиомовъ, переходившихъ въ словарики реалій. Не прекращается, несмотря на быстрое обрусѣніе, любовь къ украинской рѣчи, проявляющаяся и въ сочиненіи и въ собираніи произведеній на украинскомъ языкѣ и среди этихъ любителей

¹⁾ Время составленія ея остается неопредѣленнымъ; наряду съ догадкою Лазаревскаго, считающаго ея авторомъ Полстику-отца (Григорія, ум. 1794) стоятъ догадки, передвигающія центръ тяжести въ слуху Полетикки — сына, предполагшаго историческія занятія отца во второмъ десятилѣтіи XIX в. (письмо отъ 1812 г.). Литература и обзоръ вопроса въ статьяхъ А. С. Грушевскаго: «Къ судьбѣ «Исторіи Руссовъ» (Чтенія жев. Общ. XIX) и Въ характеристическихъ взглядахъ «Исторіи Руссовъ» (Извѣстія акад.), 1903.

находятся энтузіасты, въ родѣ извѣстнаго Лобyseвича, ставящаго украинскіяхъ авторовъ XVIII в. рядомъ съ Платомъ или Мольеромъ, если не выше¹⁾. Оцѣнка языка не идетъ сначала дальше краткихъ и поверхностныхъ характеристикъ въ этнографическихъ очеркахъ «Малороссіи», авторы которыхъ въ духѣ современнаго сентиментальнаго теченія рекомендуютъ его «нѣжность, пріятность», «патетическія выраженія, уменьшительныя слова, кои произошли, конечно, не отъ другаго чего, какъ отъ тонкаго чувства его изобрѣтателей» (Я. Марковича Записки о Малороссіи). Но въ первые годы XIX в. появляется уже первый опытъ грамматики чистаго народнаго языка, свободскаго нарѣчія, — грамматика Павловскаго, случайнаго жителя Украины, котораго заинтересовала мѣстная рѣчь, уже окончательно вымиравшая, какъ казалось ему («яи живой, ни мертвый языкъ», «исчезающее нарѣчіе»), и онъ настаивалъ на необходимости его изученія прежде окончательнаго исчезновенія: «кто же намъ тогда покажетъ истинный образъ нашихъ предковъ въ прошедшихъ временахъ, если мы не сохранимъ настоящаго образа ихъ мысли и нарѣчія». Въ печати эта грамматика появилась только въ 1818, но написана была гораздо раньше, и уже въ началѣ 1805 г. была предложена авторомъ на разсмотрѣніе Російской академіи²⁾.

¹⁾ О Лобyseвичѣ статья Петрова въ сборникѣ «Статьи по славяновѣдѣнію», I.

²⁾ Объ этихъ первыхъ шагахъ украинскаго языковѣдѣнія: Буличъ, «Очерки исторіи языковѣдѣнія въ Россіи», 1904, и дополненія къ нимъ: Олівако, «Оглядъ українського языковѣдства», Записки Наук. тов. ім. Шевченка, т. 79 и 80.